Мартинович Г. А. **К проблеме аспектов языковых явлений (в свете учения Л. В. Щербы)** / Г. А. Мартинович // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. – 2001. – Вып. 2. С. 37–40.

Как хорошо известно, Л. В. Щерба был прямым последователем И. А. Бодуэна де Куртенэ, основные идеи которого развивал на протяжении всей своей жизни. Одним из важнейших в учении Бодуэна является разграничение языка как системы и языка как процесса, отличие «языка как определенного комплекса известных составных частей и категорий, существующий in abstracto и в собрании всех индивидуальных оттенков, от языка как беспрерывно повторяющегося процесса»[1]. Следовательно, язык как категория, система, абстракция и т. п. противопоставляется Бодуэном языку как деятельности, беспрерывно повторяющемуся процессу, действительным явлениям и т. п., то есть, по существу, речи.

В то же время Л. В. Щерба считал себя во многом обязанным и «Курсу общ ей лингвистики» Ф. де Соссюра. Он находил много значительных совпадений в его взглядах и взглядах Бодуэна. Так, еще в 1929 г., то есть за два года до выхода статьи «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперимент е в языкознании» (1931), Щерба писал: «Когда в 1928 г. Мы получили в Ленинграде «Cours de linquistique generale» de Saussure'a... были поражены многочисленными совпадениями учения Соссюра с привычными нам положениями. Различие языка, как системы, и языка, как деятельности («lanque» и «parole» de Saussuru'a), не такое четкое и раз витое, как у Соссюра, свойственно и Бодуэну»[2].

По мнению самого Щербы, в языковых явлениях следует различать три аспекта: 1) речевую деятельность, 2) языковую систему (язык) и 3) языковой материал (тексты). ***Речевой деятельностью*** он называет процессы говорения и

---

[1] *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2. С. 77.

[2] *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз,1957. С. 94.

понимания, «всячески подчеркивая при этом, что процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не менее активными и не менее важными в совокупности того явления, которое мы называем языком»[3]. ***Языковые системы*** — это «словари и грамматики языков», которые, «будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания» (с. 26). Последние же в такой их функции рассматриваются Щербой в качестве языкового материала. ***Языковой материал*** — это «не деятельность отдельного индивида, а совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы. На языке лингвистов это „тексты“» (с. 26).

В публикации 1992 г. нами было показано[4], что имплицитно в работе Щербы содержится и *четвертый* аспект — ***психофизиологические речевые организации*** (индивидуальные системы общих языковых представлений, индивидуальные отражения языковой системы)[5]. Очевидно Щерба отнюдь не случайно не рассматривает речевую организацию наряду с тремя эксплицитно обозначенными им аспектами языковых явлений. По-видимому, это понятие, хотя и часто используемое в работе, оставалось для него все же не вполне определенным. Проявляется это уже хотя бы в достаточно большом количестве разнообразных терминов, употребляемых для обозначения соответствующего явления: *речевой механизм человека — психофизиологическая речевая организация индивида — психофизиологическая организация человека — индивидуальная речевая система — система потенциальных языковых представлений — система языковых представлений — индивидуальная языковая система*.

---

[3] *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–25. – Далее ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте.

[4] *Мартинович Г. А.* Лингвистические этюды. СПб.: Образование, 1992. С. 11.

[5] А. А. Залевская также отмечает, что «фактически Л. В. Щерба выделяет не три, а *четыре* аспекта языковых явлений», вынося «за рамки обсуждаемой триады» еще и *речевую организацию* (*Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1999. С. 29–31).

Весьма показательным является также красной нитью проходящий через всю работу Л. В. Щербы конфликт по линии социальное — индивидуальное, возникающий главным образом в связи с последовательным и принципиальным противопоставлением языковой системы (***социальное***) и психофизиологической речевой организации (***индивидуальное***). Последняя, по Щербе, являясь индивидуальным проявлением языковой системы, в идеале «может совпадать с ней, но на практике организации отдельных индивидов могут чем-либо да отличаться от нее и друг от друга. Их, пожалуй, можно было бы действительно назвать „индивидуальными языками“, если бы в подобном названии не крылось глубокого внутреннего противоречия, ибо под языком мы разумеем нечто, имеющее прежде всего социальную ценность…» (с. 27).

В то же время, отказывая *речевой организации* в праве называться языком, языковой системой исключительно на том основании, что *система языковых представлений* является чем-то индивидуальным, а в *языковой системе* мы имеем некую «социальную ценность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы» (с. 27), Щерба утверждает, что «эта психофизиологическая речевая организация индивида вместе с обусловленной ею речевой деятельностью является социальным продуктом» (с. 25).

Обосновывая необходимость и правомерность эксперимента в языкознании, Щерба категорически отвергает упреки в «субъективности» получаемых этим методом данных. Психологический момент метода, заключающийся в оценочном чувстве правильности или неправильности речевого высказывания, для него несомненен. Но не менее несомненно и то, что у нормального члена общества чувство это социально обоснованно, так как является функцией языковой системы (величины социальной) (с. 33). «С весьма распространенной боязнью, — пишет Щерба, — что при таком методе будет исследоваться „индивидуальная речевая система“, а не языковая система, надо покончить раз и навсегда. Ведь индивидуальная речевая система является лишь конкретным проявлением языковой системы, а поэтому исследование первой для познания

второй вполне закономерно и требует лишь поправки в виде сравнительного исследования ряда таких „индивидуальных языковых систем“» (с. 34).

Особенно показательным нам представляется следующее рассуждение Л. В. Щербы: «…работа каждого неофита данного коллектива, усваивающего себе язык этого коллектива, т. е. создающего у себя речевую систему на основе речевого материала этого коллектива (ибо никаких других источников у него не имеется), совершенно тождественна работе ученого исследователя, выводящего из того же языкового материала данного коллектива его языковую систему, только одна протекает бессознательно, а другая — сознательно» (с. 85).

Поэтому на деле «глубокое внутреннее противоречие», присущее, по мнению Щербы, психофизиологической речевой организации, оказывается мнимым противоречием, так как здесь явно проявляется недостаточный учет диалектики общего и отдельного, социального и индивидуального. Идеальные «психофизиологические организации», которые действительно можно и нужно назвать ***индивидуальными языками***, несомненно, будут чем-то отличаться от «объективной» языковой системы и друг от друга. Но все эти различия, все возможные здесь противоречия относятся, как правило, к периферийным, малосущественным или же вообще несущественным областям и ни в коей мере не являются определяющими. В данном случае мы имеем дело лишь с одной из частных форм проявления диалектики соотношения индивидуального и общественного сознания (языкового сознания) и всегда можем понять и объяснить наблюдающиеся расхождения в пределах этого соотношения. Следовательно, несмотря на все индивидуальные особенности, на все имеющиеся отклонения и т. п., индивидуальные «психофизиологические речевые организации», реально существующие в головах носителей языка в идеальной форме, не менее социальны, чем объективные «языковые системы», реально существующие в языковом материале (совокупности всего говоримого и понимаемого) в материальной форме, так как в своих важнейших моментах они практически идентичны у всех членов той или иной языковой общности, того или иного языкового коллектива, что закономерно следует из принципиально адекватного отражения

каждым членом определенного общества характерной для этого общества «лингвистической среды обитания» («лингвосферы») — языкового материала, совокупности тестов и т. п.

Противоречивое отношение Л. В. Щербы к психофизиологической речевой организации, проявляющееся в ряде рассуждений, обусловлено, как нам представляется, и тем, что у него, по существу, отчасти в понятии «речевая деятельность», отчасти в понятии «речевая организация» (во всех разнообразных терминах для ее обозначения) «растворилось» понятие собственно ***речи*** в интерпретации Соссюра, несмотря на то, что Щерба, как уже отмечалось, к моменту написания своей работы был хорошо знаком с «Cours'ом de linquistique generale». Противопоставление же я з ы к а как социально обусловленного психического образования, представляющего собою виртуально существующую в мозгу людей грамматическую систему, и р е ч и как индивидуального психофизического исполнения, акта воли и разума, реализующемуся на основе кода языка и психофизического механизма, является важнейшим в учении Ф. де Соссюра[6].

Таким образом, в целом мы, очевидно, можем говорить не о *трех,* а о *пяти* аспектах языковых явлений. Первые три из них эксплицитно указаны самим Л. В. Щербой:

1. *Речевая деятельность* — существующие исключительно в н е р а з р ы в н о м е д и н с т в е процессы говорения и понимания.

2. *Языковая система* — имеющие прежде всего социальную ценность (социально-обоснованные в прошлом), объективно заложенные в данном языковом материале и проявляющиеся в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием всего языкового материала, словарь и грамматика языка.

---

[6] *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 52. – Подробнее об этом см.: *Мартинович Г. А.* Ф. Де Соссюр и отечественная психолингвистика // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 2000. Вып. 1. С. 49–54.

3. *Языковой материал* — совокупность всего говоримого и понимаемого в конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы, то есть совокупность всех устных и письменных текстов на определенном языке в определенный исторический момент его развития.

Имплицитно в работе Щербы присутствует и четвертый аспект:

4. *Психофизиологическая речевая организация* — обусловливающая речевую деятельность индивидуальная система общих языковых представлений (идиоязык), являющаяся социальным продуктом, возникающим на основе того же языкового материала коллектива, что и языковая система.

Кроме того, учитывая всё сказанное выше, для получения завершенной картины мы можем, очевидно, добавить и пятый аспект, который самим Щербой лишь однажды вскользь упоминается в работе: «…все формы слов и все сочетания слов нормально создаются нами в *процессе речи* (курсив наш. — *Г. М.*), в результате сложной игры сложного речевого механизма человека» (с. 25):

5. *Речь* — индивидуальное исполнение, осуществляемое на основе «игры» речевого механизма.

Учитывая сказанное, а также хорошо известные взгляды Л. В. Щербы на эксперимент в языкознании, его по праву следует признать одним из пионеров отечественной психолингвистики. К большому сожалению, часть важнейших понятий в учении Щербы, по существу, во многом идентичных таким понятиям современной психолингвистики, как «речевая деятельность» («речевые действия и операции», «речевые акты», «речевые реакции» и т. п.), «языковая способность», «языковой механизм», «языковая система», «текст», «дискурс» и т. д., в свое время не были замечены, подхвачены и развиты, а отечественная психолингвистика возникла у нас в стране лишь в конце 50-х годов главным образом под влиянием американского психолингвизма Ч. Осгуда, Т. Сибеока, Д. Слобина, Дж. Грина и др. и развивалась в дальнейшем с преимущественной ориентацией на психологические школы Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева.